

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Байбурин Альберт Кашфуллович	доктор исторических наук, преподаватель ЕУСПб
Березкин Юрий Евгеньевич	доктор исторических наук, преподаватель ЕУСПб
Вахтин Николай Борисович	доктор филологических наук, преподава- тель ЕУСПб
Гаврилова Татьяна Олеговна	кандидат филологических наук, выпускни- ца факультета этнологии ЕУСПб, препода- ватель СПбГУ
Головко Евгений Васильевич	кандидат филологических наук, преподава- тель ЕУСПб
Колосова Валерия Борисовна	выпускница факультета этнологии ЕУСПб
Кушкова Анна Николаевна	выпускница факультета этнологии ЕУСПб
Левинтон Георгий Ахиллович	кандидат филологических наук, преподава- тель ЕУСПб
Михайлова Татьяна Владимировна	выпускница факультета этнологии ЕУСПб
Некрылова Анна Федоровна	кандидат филологических наук, преподава- тель ЕУСПб
Родионов Михаил Анатольевич	доктор исторических наук, преподаватель ЕУСПб
Утехин Илья Владимирович	кандидат исторических наук, декан факуль- тета этнологии ЕУСПб
Федорова Капитолина Сергеевна	кандидат филологических наук, выпускни- ца факультета этнологии ЕУСПб, препода- ватель ЕУСПб

Н. Б. Вахтин, Е. В. Головко

**«РАЗВЕ МЫ ВИНОВАТЫ, ЧТО ТАК ПИШЕМСЯ?»
Смешанные этнические общности северо-востока Сибири
в официальных классификациях¹**

Вводные замечания

Любое государство сталкивается с необходимостью тем или иным образом классифицировать своих граждан. Чем больше степень бюрократичности государства, тем более жесткой и обязательной оказывается эта классификация. Россия всегда была (и до сих пор остается) одним из государств, в которых степень жесткости принципов социальной стратификации, «зарегулированности» отношений между различными социальными группами населения, с одной стороны, и всех этих групп с государством, с другой стороны, была столь высокой, что часто власти сами оказывались в тупике, если возникала ситуация, не укладывавшаяся в ими же придуманные схемы.

В настоящей работе рассматривается несколько случаев, ставивших перед чиновниками задачи, решение которых требовало отступления от привычных схем. Группы, о которых в основном пойдет речь, — это так называемые русские старожилы, то есть потомки людей, пришедших 200–350 лет тому назад на новые для них земли в Восточной Сибири, смешавшихся с местным населением и осевших там навсегда.

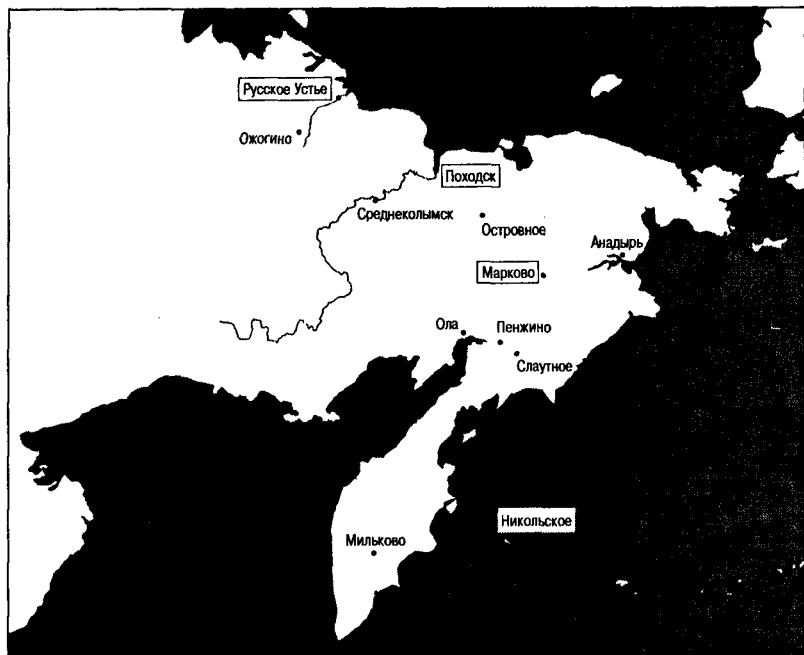
¹ Настоящая статья представляет собой часть более крупной работы, которая была выполнена в рамках проекта *Creole Communities in Northeastern Siberia: An Ethnographic Study of Ethnic Identity, Social Status, and Political Power*. Работа над проектом велась при финансовой поддержке *National Science Foundation (USA)*. Вместе с авторами статьи в проекте участвовал П. Швайтцер из университета Аляски (г. Фэрбенкс). В более полном виде результаты работы будут представлены в готовящейся публикации (Вахтин, Головко, Швайтцер 2002); см. также: Golovko, Schweitzer, Vakhtin 2001.

Старожильческие группы в течение долгого времени выпадали как из поля внимания государства, так и из области интересов исследователей: не являясь ни «приезжими», ни «коренными народами», они как бы «провалились в щель» между сферами интересов науки и власти. В частности, на них не распространялись ни решения государства о поддержке коренного населения Севера, ни льготы, которые государство предоставляло более поздним русским переселенцам. Это промежуточное положение между «коренными народами» и приезжими русскими сказалось и на самосознании старожилов, которое на протяжении XIX–XX веков претерпело ряд интересных изменений.

Старожильческие группы окончательно сформировались, видимо, к середине XVIII века. Они обосновались по берегам рек северо-восточной Сибири; в научной литературе и официальных документах эти группы, как правило, так и именовались — по названиям рек, вдоль которых они селились: анадырщики (среднее течение реки Анадырь на Чукотке), гижигинцы (устье реки Гижига на северо-западной Камчатке), колымчане (нижнее и среднее течение реки Колыма), индигирщики (нижнее и среднее течение Индигирки), усть-янские (устье реки Яна), ангарские (река Ангара), ленские (река Лена) и другие. Основные населенные пункты, в которых в XVIII–XX веках было сосредоточено старожильческое население, — это поселки Русское Устье на Индигирке и Походск на Колыме (основаны в конце XVII века); Нижнеколымск (1644), Среднеколымск (1643), Верхнеколымск (1640), Колымское, Черский (бывш. Нижние Кресты) — на Колыме; Анадырский острог (1649), Марково (1840-е), Усть-Белая (1890) — на Анадыре; Гижига, или Гижигинск (1753), — на Гижиге, Ола, Пенжино (1650-е) и другие поселения камчадалов, — на северной Камчатке и многие другие.

В настоящей работе рассматриваются в основном три группы старожильского населения: поселок Русское Устье на Индигирке, поселок Походск на Колыме и поселок Марково на Анадыре (см. карту). В качестве фона и материала для сравнения рассматриваются ситуации, сложившиеся в свое время на Камчатке и на территории так называемой Русской Америки.

Три упомянутых выше поселка — Русское Устье, Походск, Марково — выбраны нами по ряду причин. Прежде всего, они достаточно хорошо описаны в русской научной литературе, особенно старой, начиная с середины XIX века и по 1960-е годы. Сведения об этих поселках на протяжении более чем ста лет поставляли государственные чиновники, инспектировавшие эти районы, врачи, работавшие там, путешественники, а также, не в последнюю очередь, политические ссыльные: север Якутии был во второй половине XIX века обычным местом ссылки. Превосходные описания страны и живущих там людей, оставленные, с одной стороны, путешественниками и правительственными чиновниками (Майдель, фон Дитмар, Олсуфьев, Караев, Гондатти,

Сокольников, Сильницкий), а с другой — политическими ссыльными (Богораз, Иохельсон, Зензинов, Шкловский, Вруцевич, Цыперович), дают достаточно полную картину жизни русских старожилов в этих районах в конце XIX — начале XX века. В более поздний период — в 1920-е и 1930-е годы — на севере Якутии и на Чукотке работали многочисленные экспедиции: геологические, землеустроительные, этнографические, — участники которых (такие, как Седов, Молодых, Биркенгоф, Скворцов, Шаталов, Гурвич) также оставили многочисленные свидетельства жизни старожильского населения. Это дает возможность сопоставления собранного нами полевого материала с данными предшествующего периода.

Далее, эти три поселка составляют своего рода центры своих территорий. Это верно прежде всего для Русского Устья, бывшего в прошлом административным центром всей территории Индигирки, и Маркова, которое в XIX—начале XX века было административным центром Анадырской округи. В меньшей степени это касается Походска: центром Колымского края в прошлом был Среднеколымск; позже, в 1931 году, Походск оказался в составе вновь образованного Нижнеколымского района с центром сначала в Нижнеколымске (в настоящее время практически не существует), а с 1942 года — в селе Нижние Кресты (в 1963 году переименовано в рабочий поселок Черский).

Наконец, территории, сконцентрированные вокруг этих трех поселков, составляют (или составляли в прошлом) в некотором смысле единое пространство. Экономические, брачные, дружеские связи объединяли на протяжении всего XIX века Индигирку с Колымой, Колыму с Анадырем. Эти связи то становились более тесными, то почти прекращались, но тем не менее можно утверждать, что старожильческие общности, живущие в Русском Устье, Походске и Маркове, составляют в определенном смысле единую группу. Конечно, размеры этой группы не ограничиваются только этими тремя регионами: не менее интенсивные связи существовали между старожилками Анадыря и камчадалами северной Камчатки (поселки Гижига, Пенжино, Ола и др.), между жителями Индигирки и усть-янскими поселенцами (поселки Усть-Янск, Казачье и др.). Однако в нашем исследовании именно эти три поселка выбраны как основные², а другие, смежные и сходные группы в основном привлекаются лишь как сопоставительный материал.

Специального комментария требует этническая терминология. К моменту прихода русских на Индигирку, Колыму и Анадырь в XVII веке здесь жили те, кто сегодня известен под названиями (с востока на запад) чукчи, коряки, кереки, юкагиры, эвены (ламуты); несколько позже на Индигирку и Колыму пришли якуты. По типу хозяйства это были оленеводы (чукчи, коряки, юкагиры, эвены), скотоводы (якуты), охотники и рыболовы (юкагиры, эвены, кереки). Они жили, скорее всего, небольшими группами, от одной до нескольких семей, и находились в постоянном движении — круглогодичном (олeneводы) либо сезонном (охотники). По масштабам Севера это были достаточно многочисленные группы. Так, оленных чукчей, по данным Б. О. Долгих (явно заниженным), было в XVII веке, к моменту прихода русских, до 2000 человек, юкагиров — от 4500 до 5000 человек (Долгих 1960; ср. также критику методики подсчетов Долгих: Murashko 1994).

При этом каждая из общностей, известных сегодня под именем чукчей, коряков, юкагиров, эвенов, в свою очередь, состояла из нескольких территориальных групп, конечно не осознававших свою принадлежность к более крупным этническим единицам. Русские, облагая коренное население пушным налогом, переписали коренных жителей, распределили их по «национальностям» и далее по группам («родам»); в один «род» часто попадали совершенно не связанные друг с другом семьи и стойбища. В более позднее время этническая терминология несколько раз менялась, и, с учетом высокой степени смещения эвенов, юкагиров, якутов, коряков и чукчей друг с другом (см. Туголуков 1982; Гурвич 1982), в наши дни

²Такой подход обусловлен местом полевой работы: Н. Б. Вахтин работал в Анадыре и Маркове в 1998 году (совместно с М. В. Хаккарайнен, которая, работая по другой теме, в то же время оказала значительную помощь в сборе материалов для нашего проекта); Е. В. Головки в 1998 году побывал в Якутске, Черском и Чукурдахе, а в 1999-м (совместно с П. Швайццером) наряду с указанными пунктами — в Русском Устье и Походске.

от первоначального этнического распределения XVII века не осталось почти ничего. Современные этнические термины сформировались на протяжении последних двухсот лет и являются весьма условными; к примеру, эвены до 1930-х годов не выделялись в литературе в отдельную категорию: некоторые группы эвенов, преимущественно камчатские, анадырские и колымские, в XIX–начале XX века назывались ламутами, остальных не отделяли от эвенков и называли тунгусами (Туголуков 1982: 155). В реальности каждая территориальная группа чукчей, юкагиров, эвенов и других имела (а часто и до сих пор имеет) свое самоназвание и осознавала себя как отдельную группу. Как не без юмора заметила одна из наших информанток-чукчанок, «мы-то вообще не чукчи, это нас Богораз сделал чукчами».

В настоящей публикации мы тем не менее используем эту условную терминологию не в последнюю очередь потому, что для многих коренных народов эти этнонимы стали сегодня самоназванием: мало кто из юкагиров, например, помнит, из какого именно юкагирского «рода» он происходит; то же относится к эвенкам и в меньшей степени к чукчам.

В качестве объединяющего термина для всех индигенных групп мы будем пользоваться термином «коренное население»; в это понятие входят перечисленные выше народы: чукчи, коряки, эвены, юкагиры и др. В это понятие не входят якуты, прежде всего потому, что в представлениях местных жителей (независимо от их национальности) якуты противопоставлены «коренному населению», поскольку якуты, во-первых, являются титульной нацией Республики Саха (Якутия), и, во-вторых, они гораздо более многочисленны, чем «коренные народы» (около 300 000 человек).

Наконец, те группы, которые составляют основной предмет нашего исследования, принято называть «русскими старожилками» или просто «старожилками». Мы будем использовать этот термин как условный, несмотря на то что, строго говоря, эти группы не являются в полной мере «русскими», и уж точно они не более *старожилы*, чем «коренные народы».

Смешанные группы и государство

Социальный статус исследуемых этнических общностей на протяжении всей их истории был для государства камнем преткновения. Раздражающая чиновничий глаз неотчетливость, промежуточность этих групп побуждала власти искать и находить всевозможные решения. Однако, несколько забегая вперед, можно сказать, что, как и всегда, когда государственная бюрократическая машина оказывалась перед необходимостью творчески подойти к делу, результат оказывался неудовлетворительным.

Существовал целый ряд обстоятельств, осложнявших решение этой задачи. До революции 1917 года, отменившей сословное деление (а точнее, до начала 1930-х годов, когда сословия были официально заменены на классы: «рабочий класс», «колхозное крестьянство» плюс прослойка

«советской интеллигенции»), власти еще как-то справлялись с классификацией населения Севера по сословному принципу. Население вновь освоенных территорий было приписано (часто достаточно произвольно) к тому или иному сословию: дворяне, казаки, мещане, крестьяне.

Хуже обстояло дело с другой частью задачи — определением этнической принадлежности. Российское государство всегда брало на себя функции официального «социального антрополога», распределяя многочисленные этнические группы, живущие на его действительно «необъятных просторах», по клеточкам составленной в чиновничьих канцеляриях таблицы (эта «государственная этнография», с одной стороны, находилась под влиянием научных идей того времени, преимущественно эволюционистского толка, с другой стороны, она, в свою очередь, не могла не оказывать влияния на академический дискурс). Если живые люди не помещались в таблицу, то вопрос решался не в пользу людей, а в пользу таблицы.

После большевистской революции 1917 года положение усугубилось: во всех анкетах, удостоверениях личности и, наконец, паспортах появилась графа «национальность». При этом имелось в виду не «гражданство» (принадлежность к какой-либо стране), а то, что, пожалуй, точнее всего было бы назвать официальной этнической принадлежностью, которая чаще всего сводилась к фиксации этнического происхождения³. Если родители новорожденного были разной национальности (этнического происхождения), то обычная практика сводилась к тому, что оба родителя с указанием их национальности записывались в свидетельство о рождении, а ребенок получал национальность по выбору родителей. Как правило, выбиралась одна из родительских национальностей, хотя в отдельных случаях допускался выбор одной из национальностей бабушек-дедушек: «Гражданин, обратившийся в органы ЗАГС за присвоением (изменением) национальности, должен знать свою родословную хотя бы до третьего колена: дочь — мать — бабушка; сын — отец — дедушка. При наличии записи, что в роду существуют родственники национальность камчадал или ительмен (так. — *Авт.*), отдел ЗАГС имеет возможность вынести заключение об исправлении в актовых записях национальности в соответствии с Законом РФ «О регистрации актовых записей»» (Инструкция Камчатского областного ЗАГСа; цит. по: Жилин 2000).

Впрочем, рекомендации для работников загсов в советский период, кажется, были довольно расплывчатыми, что давало им определен-

³ Эти записи, естественно, часто были произвольными, и еще чаще «национальность» человека отдавалась полностью в руки секретаря сельсовета или паспортистки, которые никогда не были ни особенно грамотными, ни слишком внимательными. Приведем высказывание современной жительницы Сахалина, которое цитируется в статье (Функ и др. 2000): «По паспорту я ороchonка. Русские, как хотят, так и пишут: в одном свидетельстве о рождении у ребенка я записана орок, в другом — ороchonка. Мы вообще-то уйльта. Нам сказали, так трудно выговаривать, будете «ороками». Что ж, нас мало, мы подчиняемся».

ную «свободу творчества». Ср. следующую цитату из работы С. И. Николаева (1967), посвященной выбору национальности в смешанных семьях Якутии: «Фактически в настоящее время за детей выбор [национальности] делают родители при составлении различных списков официального порядка. По достижении шестнадцатилетнего возраста ребенок имеет право делать выбор, но редкие меняют то, что уже было однажды записано. Родители же выбор национальной принадлежности своего ребенка определяют по роду занятий (если охотник-оленеvod, то эвен или эвенк, если скотовод, то якут), национальной принадлежности отца или матери, общепринятому мнению или языку одного из членов семьи» (Николаев 1967: 77).

Посмотрим, как решалась задача определения этнической принадлежности в трех рассматриваемых нами случаях.

Русское Устье

Случай с индигирскими жителями в административном отношении был, пожалуй, самым простым, так как местное население представляло собой, с точки зрения чиновников, единообразную картину. Даже в словесном делении не было никакой градации — все местные жители были записаны мещанами. Интересно, что в условиях почти полной изоляции от остального мира и полного отсутствия каких-либо других сословий навязанное государством слово «мещане», кажется, стало восприниматься как «официальное самоназвание»⁴, которым полагалось отрапортоваться при встрече с начальством. Приведем слова, адресованные Биркенгофу (который, конечно, воспринимался как приезжий начальник) ожогинцами⁵: «Если кто к нам в дом войдет и чаю не попьет или не закусит, нам, мясянам, быдто бы обидно» (Биркенгоф 1972: 23). Очень показательна также история, приведенная А. Г. Чикачевым (1998: 138), о том, как в 1928 году на займку Стариково приехал начальник из Якутска:

На вопрос, кто здесь проживает, наш старик, выйдя на середину избы, чиновно представился:

- Верхоянский мещанин Алексей сын Саввич господин Черемкин!
- Теперь у нас господ, дворян и мещан нет.
- А куда подевались господа верхоянские мещане?

⁴ В Ведомостях Верхнеколымского прихода церкви Петра и Павла в перечне национальностей читаем: «юкагиры, ламуты, якуты, русские, мещане» (Архив Хабаровского края, ф. И-85, оп. 16, № 1, л. 22). В романе В. Г. Богораз (Богораз 1928) во многих местах упоминаются такие национальности, как «якуты и мещане», и под. Все эти факты заставляют задуматься о местном значении термина *мещанин*, который в конце XIX — начале XX столетия явно приобрел на описываемой территории оттенок обозначения *этнической* принадлежности человека.

⁵ Жители территории, сконцентрированной вокруг села Ожогина, расположенного в верхнем течении Индигирки; другое самоназвание — «верховские» (к «верховским» также относятся выходцы из еще двух сел — Полоусного и Шанского).